

УДК 821.161.1-2.09

ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПЬЕСАХ О ДЕТСТВЕ И ДЕТЯХ

Елена Евдокименко

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
ул. Оборонная 2, Луганск, 91011, Украина;
e-mail: ye-lena@rambler.ru*

Дан краткий обзор работ, посвященных распространению элементов кротоического театра Антонена Арто в русской драматургии конца XX– начала XXI веков, особое внимание уделяя способам реализации театра жестокости в современных русских пьесах о детях и подростках; проанализированы причины широкого распространения сцен насилия в пьесах на детскую тематику; рассмотрены пути преодоления детскими персонажами ситуаций, в которых им приходится испытывать жестокость жизни и окружающих людей.

Выявлено, что в анализируемых произведениях жестокость проявляется на разных уровнях – в сюжетной канве, характерах персонажей взрослых и детей, речи. Кроме того, дети и подростки сталкиваются с жестокостью, которую проявляют к ним в равной степени и взрослые (учителя и родители), и сверстники.

Ключевые слова: театр жестокости, мир детства, трагизм, катастрофичность, гипернатурализм.

Во многих пьесах рубежа XX–XXI веков проявилась особенность, ставшая одной из самых показательных в драматургии этого периода – обилие жестокости. Исследователи современной русской драматургии отмечают концентрацию насилия в текстах. Тем не менее, анализируются главным образом произведения “новой драмы”, что включает в себя лишь пьесы определенных авторов. В то же время тенденция отражения жестокостей реальной современной жизни в русских пьесах 1990-х – начала XXI века детальному исследованию ранее не подвергалась. Исходя из этого, мы поставили следующие задачи: сделать краткий обзор особенностей проявления театра жестокости в пьесах 1990-х годов – начала XXI века, проанализировать способы реализации театра жестокости в современных русских пьесах на детскую тематику. Актуальность постановки этих задач вызвана тем, что в драматургии рубежа XX–XXI веков жестокость и насилие тесно связаны с миром детства.

В статье “Театр катастрофического сознания: о пьесах-философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг “новой драмы” М. Мамаладзе отмечает существование двух театральных традиций: театра-зеркала и соборного театра. Суть театра-зеркала заключается в полном отражении действительности со всеми ее плюсами и минусами. В этой же статье автор пишет о том, что “новая драма” “пошла еще дальше и, можно сказать, сознательно искривила зеркало в целях шоковой терапии” [8, с. 280]. По ее мнению, такое “театральное зеркало” “увеличивает,

гиперболизирует недостатки, чернит и пугает, чтобы ввести зрителя в шок и заставить думать критически” [8, с. 281]. О том, что в пьесах последних нескольких десятилетий “преобладает натурализм быта, насыщенный жестокостью” пишет С. Я. Гончарова-Грабовская [3, с. 5]. Это “эдакое гиперреалистическое фотоклише, “дикий реализм” [9, с. 189]. А М. Н. Липовецкий называет эту тенденцию “неонатурализмом или, скорее, гипернатурализмом” [7, с. 247–248]. Он отмечает ее как “самую громкую тенденцию Новой драмы” и уточняет: “гипернатурализм явственно наследует не столько театральной, сколько литературной ... и киношной ... “чернухе” перестроечного периода” [7, с. 247–248]. Таким образом, можно сделать вывод, что обилие жестокости и насилия в русской драматургии рубежа XX–XXI веков вызвано чрезмерным присутствием этих явлений в реальной жизни современного русского человека, что проявилось в кино, литературе, а затем и театре, и было вызвано стремлением отреагировать на суровую действительность и вызвать в читателе / зрителе реакцию, взбудоражить сознание и стимулировать к действию.

По мнению М. И. Громовой, одного из ведущих исследователей современной русской драматургии, в обществе сложилась ситуация, требовавшая использования других методов, других подходов к читателю / зрителю: “Долгое замалчивание многих проблем привело в условиях гласности к “прорыву плотины”: писатели заглянули в обжигающую своей неприглядностью жизнь обочины, а иногда и в жизнь “на пределе” [4, с. 90]. В связи с этим гипернатурализм или гиперреализм, где “ужасы сконцентрированы, приумножены, чтобы проникнуть сквозь задубелую кожу пресыщенных, когда просто любовь или просто смерть уже не щекочут нервы” [5, с. 178], оказался востребованным как среди драматургов, так и среди читателей, режиссеров, постановщиков, зрителей. Основная задача такой шоковой драматургии – разбудить общество – была реализована.

Вышеотмеченные тенденции непроизвольно наталкивают на теорию кротоического театра Антонена Арто. В своем труде “Театр и его двойник” он пишет: “Наша восприимчивость дошла до такой степени истощения, когда стало совершенно ясно, что нужен прежде всего театр, который нас разбудит: разбудит и наши нервы, и наше сердце” [1, с. 91]. Автор утверждает, что зритель пресытился развлекательными спектаклями и ему неинтересен стал театр. А единственным средством, по мнению Арто, которое может в этой ситуации воздействовать на человека, является жестокость. В связи с этим “Театр должен быть обновлен именно благодаря этой идее действия, доведенной до крайности и до своего логического предела” [1, с. 91].

В этой ситуации трагичнее всего то, что гипернатурализм прочно вошел в пьесы на детскую тематику. Даже в пьесах, где главными героями являются дети и подростки, современные драматурги используют элементы гипернатурализма, который проявляется как в проблематике произведений, так и в изобилии жестокости и насилия. Драматурги указывают на то, что жестокость и насилие из мира взрослых переходит в мир детей. Этот факт является одной из основных причин, по которым пьесы современных драматургов о детях и подростках не ставят в театрах для детской аудитории. Среди общего числа пьес, посвященных детям и подросткам, можно выделить несколько, поражающих своей гипернатуралистичностью, ужасающих жестокостью. Это пьеса Л. Разумовской “Домой!”, В. Сигарева “Пластилин”, Щекочихина “Между небом и землей жаворонок

вьется” и В. Леванова “Выглядки”. В других произведениях также можно проследить черты гипернатурализма, но не в таком объеме.

“Ощущение катастрофичности происходящего” (С. Я. Гончарова-Грабовская) стало типичным для многих пьес о детях (Л. Разумовская “Домой!”, М. Арбатова “Анкета для родителей”, В. Сигарев “Пластилин”, А. Слаповский “Клинч”, В. Леванов “Выглядки”). Ранимые и неокрепшие подростки и дети сталкиваются с суровыми испытаниями жизни, которые не каждый взрослый в силах преодолеть. Многие из них воспринимают ежедневные суровые жизненные испытания как должное, лишь иногда разрешая себе задуматься об ужасности подобного существования. Главный герой пьесы В. Сигарева “Пластилин”, Максим, каждый день вынужден терпеть унижения со стороны не только детей, но и взрослых. Подросток живет с бабушкой и почти все взрослые персонажи пьесы относятся к нему, как к “отбросам общества”, чья судьба давно решена, только потому, что он “беспризорник”. В пьесе Л. Разумовской “Домой!” показаны настоящие беспризорники 9–18 лет. Для описания их жизни подойдет только слово “выживание”. Тем не менее, их устраивает такое положение – в своем небольшом “семейном кругу” каждый занял определенное место, и, вопреки всем своим недовольствам, большинство из них не стремится что-либо изменить в своей жизни. Только с появлением нового в их жизни человека – монаха Веньки – дети и подростки начинают задумываться о своей духовности, о том, что они достойны лучшего.

Рассматривая проявление жестокости в пьесах на детскую тематику, которые были написаны в период 1990-х годов – начале XXI века, можно выделить несколько важных аспектов. Как уже отмечалось нами, это, прежде всего, жестокость всего мира по отношению к детям. Следующее проявление – жестокость взрослых по отношению друг к другу, наблюдая которую, дети и подростки ее впитывают, что оказывает влияние на их характер и поведение. Две другие стороны, по нашему мнению, имеют наибольшее значение. Это жестокость взрослых по отношению к детям и детское проявление насилия друг к другу.

Примеров насилия взрослых над детьми как морального, так и физического, к большому сожалению, в пьесах современных русских драматургов много. Здесь и собутыльники женщины в пьесе В. Леванова “Выглядки”, которые часто направляют свою агрессию на ее детей, которым едва исполнилось 4 и 5 лет:

НИКИТА. Он тебя потом стукнул.

ДЕНИС. Больно.

НИКИТА. У тебя кровь текла. Ты болел потом. А ОНА его тоже стукнула за тебя. А он ЕЕ побил. У НЕЕ синяк был. ОНА тоже болела [6].

Защищая своих детей от обид и опасностей, мать позволяет себе не только очень жесткие выражения в их адрес, но и физическую агрессию:

НИКИТА. Правильно ОНА тебя стукнула.

ДЕНИС. Я не говорил. Это тетка все сказала. Я не говорил. ОНА меня стукнула. И тебя.

НИКИТА. Меня много раз.

ДЕНИС. Больно, да?

НИКИТА. Больно. Сильно. ОНА рассердилась потому что [6].

В конце концов, оставив детей на слишком длительный срок самих в квартире без еды, мать обрекла их на голодную смерть. Это, пожалуй, единственная пьеса, где драматург показывает не только моральное насилие, но и физическое, которое родители причиняют своим родным детям.

Важно, что многие авторы делают акцент на издевательствах педагогов над своими учениками. Например, 10-летний герой Л. Разумовской искренне верит, что у него куриные мозги, потому что: “Училка. В интернате. Она меня все время головой об парту стучала. “Куриные у тебя мозги, Фомин, запомни! Куриные у тебя мозги!” Ну я и запомнил” [10, с. 48]. Максима из пьесы “Пластилин” в школе тоже преследует учительница, которая позволяет себе и в мужской туалет зайти, и грубить пожилой женщине, бабушке мальчика, которая, несмотря на свое плохое здоровье, не смогла отказаться от внука и отдать его в интернат:

БАБУШКА. Што ж он сделал-то?

МАКСИМ. По морде ее племяннику-карманнику настучал.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Заткнись, щенок! Олег Петрович, я поражаюсь просто! Сидит тут какая-то непонятно кто. Воспитала подонка последнего да еще и защищает. Вы хоть сами-то, как вас там, понимаете [11]?

Из речи учительницы Людмилы Ивановны видно, что ее раздражает не только Максим, но и все, что с ним связано. Она, видимо, настолько привыкла открыто выражать свою агрессию против него, что даже присутствие директора не помогло ей сдерживать свои чувства или выразить их в более подходящей для учителя форме.

Педагоги, призвание которых не только давать знания детям, но и на личном примере демонстрировать правильные модели поведения, воспитывать личность в каждом ученике, с раннего возраста указывают своим подопечным на то, что те недостойны жить в этом мире, потому что “беспризорники”, потому что их некому защитить.

Насилие между детьми в современных пьесах встречается редко. Примером может служить уже упомянутая нами пьеса Л. Разумовской. Старшие ребята 16 и 18 лет назначили себя главными над остальными такими же брошенными детьми, определяют каждому сумму, которую те должны выпросить у прохожих, а потом забирают деньги, иногда оставляя детей даже без куска хлеба:

РВАНЬИЙ. Надеюсь, вы понимаете, что вы нищие беглые ублюдки, по которым плачет советский интернат?

ФОМА и БЛИЗНЕЦ. Мы это понимаем, Рваньий. Понимаем...

РВАНЬИЙ. Кто же вам позволил в таком разе швыряться **чужими деньгами** (выделено мной – Е. Е.), а? Покупать черт-те чего, жвачки там, понимаешь, всякие американские [10, с. 53]?!

В конце концов, эти два главаря прямо или косвенно становятся причиной смерти большинства своей команды. Можно сказать, что модель отношений между детьми – в определенной степени перенос модели поведения взрослых или же воспроизведение отдельных “взрослых” реакций без учета исходных обстоятельств. Так, Рваньий в какой-то ситуации увидел, что грубость и жестокость помогают добиться желаемого и установить контроль над теми, кто слабее. В дальнейшем он принял это за норму поведения.

Все детские персонажи приведенных нами пьес вынуждены часто вести себя как взрослые (по причине отсутствия рядом близких взрослых, которые должны взять на себя эту роль), что может объяснить их жестокость. Вопреки этой вынужденной “взрослости” и самостоятельности Никита и Денис (“Выглядки”) верят в то, что нерадивая мать изменится, вспомнит про них и принесет им еды; Максим (“Пластилин”) старается противостоять окружающей действительности, которая раз за разом пытается его сломить; Фома и Блинец (“Домой!..”) сохраняют жизнерадостность, а после встречи с монахом Венькой обретаю веру в Бога и силы бороться за лучшую жизнь; Майк (“Домой!..”) находит способы честно заработать деньги и получить паспорт, что, по его убеждению, изменило бы его положение в обществе; Майк и Жанна вдвоем пытаются дать отпор Рваному и Хуле, в которых воплощена вся жестокость мира для остальных героев пьесы. В таком несовпадении мира реального и желаемого, в противостоянии героев окружающей действительности, в их искренней вере в хорошее проявляются романтические черты современной драматургии.

Проанализировав русские пьесы о детях и подростках, которые были написаны в 1990-х годах – начале XXI века, можно сделать вывод, что жестокости и насилия в различных проявлениях стало в драматургическом дискурсе настолько много, что реакция детских персонажей на них чаще нейтральная, что является свидетельством привычности этих явлений. Современные авторы не только раскрывают жестокость мира взрослых, но и показывают, что с раннего возраста насилие становится вполне привычным и в мире детей. Тем не менее, нельзя оставить незамеченным тот факт, что в пьесах о детях и подростках присутствуют позитивные, оптимистичные элементы, хотя мир детства предполагает их превалирование, а не наоборот.

Обосновывая популярность применения основ кротоического театра современной драматургией и популярность этого явления, К. Серебренников отметил: “Мы состоим не только из любви, но и из желчи, из зависти, из каких-то других, весьма сложных и не самых возвышенных чувств” [2, с. 174].

Тема является актуальной и требует дальнейшего изучения. Одним из перспективных направлений исследования является речь персонажей современных русских пьес о детях и подростках, поскольку стремление передать естественность речи приводит к перенасыщенности текстов бранной лексикой, просторечиями, жаргонизмами и т. д. Необходимо проследить общие тенденции речи детей и подростков в современных русских пьесах, выявить причины речевой деформации, провести аналогии с особенностями речи взрослых.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. *Антонен Арто*. Театр и его двойник. / Пер. с фр., комм. С. А. Исаева – М. : Мартис, 1993. – С. 91–109.
2. *Богданова П.* “Раз в месяц публика хочет быть раздражена” (Беседа с К. Серебренниковым) / П. Богданова // Современная драматургия. – 2002. – № 1. – С. 174–178.
3. *Гончарова-Грабовская С.* Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века / С. Я. Гончарова-Грабовская – М., 2006. – С. 280.
4. *Громова М. И.* Русская драматургия конца 20 – начала 21 века : учебное пособие / М. И. Громова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 368.

5. *Заславский Г.* На полпути между жизнью и сценой / Г. Заславский // Октябрь. – 2004. – №7. – С. 170–180.
6. *Леванов В.* Выглядки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.theatre-studio.ru/library/catalog.php?author=levanov_v . 6. Липовецкий М. Н. Театр насилия в обществе спектакля: Философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых / М. Н. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73. – С. 244–278.
7. *Мамаладзе М.* Театр катастрофического сознания : о пьесах – философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг “новой драмы” / М. Мамаладзе // Новое литературное обозрение : Теория и история литературы, критика и библиография. – 2005. – № 73. – С. 279–302.
8. *Никитин Г.* Опыт Вампилова. Заметки драматурга / Г. Никитин // М. – 1989. – №4. – С. 184–192.
9. *Разумовская Л.* Домой!.. / Л. Разумовская // Драматург. – 1995. – № 6. – С. 47–81.
10. *Сигарев В.* Пластилин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.magazines.russ.ru/ural/2000/6/u07.html>

Стаття надійшла до редколегії 22.10.2013

Прийнята до друку 13.01.2014

ТЕАТР ЖОРСТОКОСТІ В СУЧАСНИХ РОСІЙСЬКИХ П'ЕСАХ ПРО ДИТИНСТВО ТА ДІТЕЙ

Олена Євдокименко

*Луганський національний університет імені Тараса Шевченка,
вул. Оборонна 2, Луганськ, 91011, Україна;
e-mail: ye-lena@rambler.ru*

Подано короткий огляд робіт, присвячених поширенню елементів кривоїчного театру Антонена Арто в російській драматургії кінця ХХ – початку ХХІ століття. Особливу увагу приділено способам реалізації театру жорстокості в сучасних російських п'єсах про дітей і підлітків; проаналізовано причини широкого розповсюдження сцен насильства в п'єсах на дитячу тематику; розглянуто шляхи подолання дитячими персонажами ситуацій, в яких їм доводиться відчувати жорстокість життя і оточуючих людей.

Виявлено, що в аналізованих творах жорстокість проявляється на різних рівнях – у сюжетній канві, характерах персонажів дорослих і дітей, мові. Крім того, діти та підлітки стикаються з жорстокістю, яку виявляють до них у рівній мірі й дорослі (вчителі і батьки), і однолітки.

Ключові слова: театр жорстокості, світ дитинства, трагізм, катастрофічність, гіпернатуралізм.

**THEATRE OF CRUELTY IN CONTEMPORARY RUSSIAN PLAYS
ABOUT CHILDHOOD AND CHILDREN****Olena Yevdokymenko**

*Taras Shevchenko National University of Luhansk,
2 Oboronna St, Luhansk, 91011, Ukraine;
e-mail: ye-lena@rambler.ru*

In the article the author gives an overview of works devoted to the dissemination of Antonin Artaud cruelty theater elements in Russian drama of late 20th – early 21st centuries, paying special attention to the methods of the theater of cruelty in contemporary Russian plays about children and adolescents, analyzes the causes of widespread violence in the plays on children's issues, discusses ways to overcome by children's characters the situations in which they have to endure the cruelty of life and the people around them.

It was found that in the analyzed works cruelty is shown on different levels – plot outline, in the personalities of adults and children, in speech. In addition, children and adolescents are faced with the cruelty that is shown to them both by adults (teachers and parents), and peers.

Keywords: theater of cruelty, the world of childhood, the tragic, catastrophic, hypernaturalism.